

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Без названия

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Без названия: Роман / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 382 с.

ISBN 978-5-519-95169-2

ISBN 978-5-519-95169-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Лучше не бывает, Василий Тимоѳеичъ... Вѣдь вы весь свѣтъ изъѣздили, такъ есть съ чѣмъ посравнить.

— Да...

Безъ шляпы лицо брюнета было совсѣмъ другое. Его измѣнялъ открытый лобъ съ развитыми выпуклостями. И свѣтло-каріе глаза казались строже, и ротъ складывался иначе. „Малъ звѣрь, да лапистъ“... — подумалъ Маркъ Евсеичъ, раскуривая папиросу. Въ выраженіи лица Василия Тимоѳеича было что-то жесткое, а такіа лица хороши только тогда, когда улыбаются,—именно оно и свѣтлѣло отъ улыбки, получая дѣтское выраженіе. Только улыбался Василий Тимоѳеичъ рѣдко.

— Удивляюсь я вамъ, — заговорилъ Маркъ Евсеичъ послѣ длинной паузы: — и что вамъ за интересъ наши промыслы... И далеко, и дѣло рискованное. Самое невѣрное...

— Да, вѣдь, я такъ, отъ скуки... Засидѣлся въ Москвѣ и хочу прогуляться куда-нибудь. На югѣ былъ, на Кавказѣ былъ, въ Средней Азіи былъ — остался Уралъ. Хочется побывать, присмотрѣться къ дѣлу... Я хорошо знаю золотое дѣло въ Калифорніи.

— Можетъ, и сами занимались?

— Нѣтъ, но знаю... Я нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Америкѣ.

— Такъ-съ... Оно, конечно, любопытно, Василий Тимоѳеичъ. Самое слово любопытно: золото. А больше-то и нѣтъ ничего... Я ужъ давненько не бывалъ на своихъ промыслахъ, потому какъ утвердилась вся семья въ Москвѣ, а тамъ довѣренныя да управляющіе руководствуютъ. Конечно, это не порядокъ, да ужъ какъ-то такъ, далеко очень... Лѣтомъ, по навигаціи, недѣлю слишкомъ ѣхать, а зимой и въ двѣ другой разъ не выѣдешь. Однимъ словомъ, размякли мы въ Москвѣ...

— Вѣдь у васъ дѣло старинное, кондовое?

— Какъ же-съ, отъ дѣдовъ досталось... Еще дѣдушка орудовалъ, а потомъ родитель покойный. Ну, при родителѣ-то покойномъ намъ плохо пришлось... Совсѣмъ, было, разорились. До того дѣло доходило, что краснаго билета въ дому нѣтъ... Особенное дѣло, однимъ словомъ. Когда ужъ братъ Яковъ вступилъ, ну, тогда все пошло какъ по маслу. Онъ Трехсвятительскую жилу открылъ...

— Васъ, вѣдь, много братьевъ?

— Я-то самый меньшей, а постарше меня еще пятеро: Прокопій, Андрей, Гаврило, Семень и Яковъ. Двѣ сестры были, ну, тѣ замужъ выскочили и сейчасъ свое положеніе женское имѣютъ.

— А братъ Яковъ давно умеръ?..

Этотъ простой вопросъ заставилъ Марка Евсеича съежиться. Онъ посмотрѣлъ на Василия Тимоеича прищуренными глазами и отвѣтилъ уклончиво:

— Да ужъ не упомяну хорошенько, а только не близко тому времени. Я еще совсѣмъ мальчикомъ былъ...

— А другіе братья всѣ живы? Впрочемъ, я это такъ спрашиваю... Мнѣ помнится, я кого-то встрѣчалъ изъ вашихъ братьевъ.

— Гаврилу, вѣроятно, встрѣчали. Онъ въ Москвѣ у насъ путался... Года ужъ съ три какъ померъ.

Передъ ними на столикѣ по-московски стоялъ приборъ съ чаемъ и полбутылка коньяку. Маркъ Евсеичъ выпилъ уже двѣ рюмки и лѣниво жевалъ ломтикъ лимона. Онъ все присматривался къ своему собесѣднику и точно старался что-то припомнить.

— А, вѣдь, я васъ гдѣ-то встрѣчалъ!—проговорилъ онъ наконецъ.—Мнѣ ваша личность знакома...

— Вѣроятно, гдѣ-нибудь въ банкѣ или на биржѣ,—равнодушно отвѣтилъ Василій Тимоеичъ, прихлебывая

холодный чай изъ стакана. — Я тамъ каждый день бываю...

— Знаемъ, слышали. Можно сказать, кто васъ не знаетъ...

На террасѣ ресторана за отдѣльными столиками сидѣло еще нѣсколько группъ. Кучка долгоязыкихъ англичанъ, одѣтыхъ попугаями, разсматривали Москву въ морскіе бинокли, сквозь зубы выпуская свои удивительныя англійскія слова; у самого барьера стояло нѣсколько дамъ, очевидно пріѣхавшихъ изъ провинціи; въ уголкѣ пріютилась хмельная купеческая компанія. Въ послѣдней выдавались два брата — русоволосые, крупчатые, рослые, однимъ словомъ, — кровь съ молокомъ. Такихъ молодцовъ выкармливаетъ только Москва. Василий Тимоѣичъ нѣсколько разъ поглядывалъ въ ихъ сторону и вчужѣ любовался этими племенными выкормками. Типичный народъ, а къ московскому купечеству онъ питалъ „влеченье родъ недуга“. Другое дѣло, его собесѣдникъ — сейчасъ видно сибирскую жилу. Говоритъ, точно торгуется, да и вѣрить ни одному слову нельзя. Этакій народецъ проклятый... Да еще притворяется, что того не знаетъ, другого не помнитъ, а третье и совсѣмъ забылъ. Вонъ москвичи — тѣ всѣ на виду.

— А скоро вы думаете уѣзжать отсюда? — освѣдомился Маркъ Евсеичъ, какъ-то крадучись выпивая третью рюмку коньяку.

— Пока еще и самъ не знаю. У меня много постороннихъ дѣлъ...

— Слыхали...

— Для здоровья нужно встряхнуться. Много московской пыли насѣло...

— Ужъ это что говорить... Это вы правильно.

Подумавъ немного, Маркъ Евсеичъ прибавилъ съ улыбкой:

— Извините, а я такъ думаю, Василій Тимоѳеичъ, что не даромъ вы потащитесь такую даль?

— Я даромъ ничего не дѣлаю. Хочу попытать счастья...

— Не совѣтую-съ. И дѣло вамъ незнакомое-съ, да и рискъ при этомъ...

— Рискъ? А вы знаете, что никто больше не рискуетъ, какъ простой мужикъ, когда пашетъ и сѣетъ... Самое рискованное дѣло это хлѣбопашество. А наше дѣло другое: въ одномъ мѣстѣ проживемъ, въ другомъ наживемъ. Мнѣ нравится золотопромышленность... У васъ все по-старинкѣ, а я новыми способами поставлю обработку. Американскія машины выпишу... Когда я былъ въ Австраліи, такъ кое-чему успѣлъ поучиться.

— Зачѣмъ же вы въ Австралію ѣздили?

— А такъ, изъ любопытства... Жалѣю, что не вернулся обратно черезъ Сибирь. Не позволила болѣзнь...

Эта бесѣда была прервана появленіемъ третьяго лица. На террасу вошелъ высокій и рослый господинъ съ рыжей окладистой бородой. Онъ былъ одѣтъ въ пеструю лѣтнюю пару. Шелковый цилиндръ сидѣлъ на большой головѣ немного бокомъ. Близорукіе большіе голубые глаза и великолѣпные бѣлые зубы придавали ему видъ англичанина. Вошедшій видимо никого не видалъ и какъ-то рухнулъ всѣмъ тѣломъ къ ближайшему столику. Цилиндръ покатился на полъ.

— Бутылку шампанскаго... — хрипло проговорилъ новый гость лакею, подававшему цилиндръ.—Да похолоднѣе сдѣлайте.

— Слушаю-съ...

Василій Тимоѳеичъ молча наблюдалъ страннаго гостя, который попрежнему ни на кого не обращалъ внима-

нія. Онъ снялъ свой цилиндръ, подперъ голову руками и смотрѣлъ безцѣльно куда-то вдаль.

— Баринъ-то того...—хихикнулъ Маркъ Евсеичъ, закрывая ротъ рукой.—Свѣту бѣлаго не видить. Чертить, должно полагать, вторую недѣлю... Я ихъ третьяго дня за городомъ видѣлъ, въ Яру-съ.

Лакей подаль бутылку шампанскаго въ серебряномъ ведрѣ. Рыжій господинъ залпомъ выпилъ два стакана, тряхнулъ головой и полѣзъ въ жилетный карманъ. Тамъ ничего не оказалось, какъ и въ боковыхъ карманахъ и въ бумажникѣ. Это открытіе сразу его отрезвило, и онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ своими близорукими глазами, точно спрашивалъ всѣхъ, какъ онъ сюда попалъ и чѣмъ онъ расплатится за шампанское. Василій Тимоѣичъ подозвалъ къ себѣ лакея, показалъ на рыжаго господина глазами и расплатился.

— Ну, мы съ вами еще увидимся и поговоримъ подробнѣе,—замѣтилъ онъ, прощаясь съ Маркомъ Евсеичемъ.

— Съ наслажденіемъ, Василій Тимоѣичъ... Гдѣ прикажете?

— Я вамъ напишу.

Василій Тимоѣичъ поднялся, подошелъ къ рыжему господину и положилъ руку ему на плечо. Тотъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на него своими сѣрыми удивленными глазами и улыбнулся какой-то дѣтской улыбкой.

— Ахъ, Сережа, Сережа...

— Ты... ты какимъ образомъ попалъ сюда?—удивлялся Сережа, обнимая Василия Тимоѣича.—Вотъ, братъ, не ожидалъ... да... Удивилъ ты меня, Вася. А я, братъ, того... Впрочемъ, чортъ знаетъ, что со мной дѣлается, и рѣшительно не знаю, какъ я сюда попалъ. Хотѣлось

подышать свѣжимъ воздухомъ... Кстати, со мной гнусная исторія случилась: спросилъ шампанскаго, а заплатить нечѣмъ.

— Я уже заплатилъ. Не безпокойся... А сейчасъ ѣдемъ домой.

— Домой? Позволь, что значить: домой... Ахъ, да, ты повезешь меня къ себѣ и предашь покаянію...

— Ну, тамъ увидимъ...

— Дай кончить бутылку, а тамъ весь къ твоимъ услугамъ. Вообще, я очень радъ тебя видѣть... Всегда радъ... да.

Василій Тимоѳеичъ присѣлъ къ столику и терпѣливо подождалъ, когда Сережа, наконецъ, кончитъ свое пойло.

— Эхъ, выпилъ бы и ты одинъ стаканчикъ?—предложилъ Сережа, когда въ бутылкѣ почти ничего не оставалось.

— Благодарю. Вѣдь ты знаешь, что я ничего не пью...

Василія Тимоѳеича больше всего возмущало теперь неистощимое добродушіе Сережи.

— Послушай, а какъ мы поѣдемъ, Вася? Я своего извозчика, кажется, отпустилъ... А идти отсюда въ Москву пѣшкомъ я не могу.

— Вздоръ. Я тебя заставлю прогуляться именно пѣшкомъ, чтобы ты хотя этимъ путемъ почувствовалъ собственное безобразіе.

— Я не пойду,—протестовалъ Сережа.—Наконецъ, я просто спать хочу... Ты только представь себѣ, что я сряду три ночи не спалъ. Да я вотъ здѣсь у столика и засну...

II.

Когда они вышли изъ ресторана, къ подъѣзду подалъ съ московскимъ шикомъ лихачъ.

— Вотъ какъ ты...—укоризненно замѣтилъ Сережа, съ трудомъ усаживаясь въ пролетку.—Дда... Вавилонская роскошь, государь мой. Хе-хе... Мы другимъ людямъ мораль читаемъ, а сами на рысакахъ катаемся.

— Ты знаешь, что лошади—моя единственная слабость,—точно оправдывался Василій Тимоѳеичъ, любуясь воронимъ рысакомъ, осторожно спускавшимъ экипажъ съ горы.—Кучеръ, осторожнѣе...

Лошадь была заглядѣнье. Какъ она граціозно ступала своими могучими ногами, какъ выгибала атласную шею, какъ косила горячимъ глазомъ и грызла сдерживавшія ее удила. Это было само олицетвореніе живой силы. Сережа какъ сѣлъ, такъ сейчасъ и задремалъ, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону. Онъ даже попробовалъ захрапѣть, но Василій Тимоѳеичъ его разбудилъ.

— А...что?—мычалъ Сережа, просыпаясь.—Ахъ, да...

Онъ нѣсколько разъ тряхнулъ своей головой и проговорилъ съ добродушнѣйшей улыбкой:

— А я знаю, что ты сейчасъ думаешь, Вася. Давай пари на полдюжины шампанскаго? Какъ честный человекъ... Ты думаешь, какой свинья Сережка. Вѣрно?

— Ты угадалъ... И въ свое оправданіе можешь сказать только одно, именно, что люди, которые ѣдутъ рядомъ съ такой свиньей, тоже немножко свиньи...

Сережа залился неудержимымъ хохотомъ, такъ что даже кучеръ оглянулся.

— Ахъ, уморилъ, Вася... Вотъ уморилъ-то!.. Немножко свинья—это вѣжливѣе называется ветчиной. Ха-ха...

Экипажъ уже летѣлъ стрѣлой по Замоскворѣчью, гдѣ разсажались плотно другъ къ другу купеческія

хоромины. Проѣзжая здѣсь, Василій Тимоѳеичъ каждый разъ любовался этой купеческой тугой стройкой. Для себя строились люди, а не для квартирантовъ. Все было пригнано туго, крѣпко, на цѣлыхъ сто лѣтъ, и каждый домъ выглядѣлъ такъ сыто, какъ выпавшійся хорошо человѣкъ.

Замоскворѣчье мелькнуло быстро. На Каменномъ мосту пришлось сдерживать разгорячившуюся лошадь. Затѣмъ слѣдовала узкая московская улочка, поворотъ налѣво къ храму Спасителя и еще поворотъ направо, мимо Пречистенскаго бульвара. Послѣ свѣжаго воздуха на Воробьевыхъ горахъ здѣсь пахнуло застоявшейся вонью московской улицы. Василій Тимоѳеичъ только морщился. Какъ онъ ни любилъ Москву, но никакъ не могъ помириться съ этой убійственной атмосферой.

Москва, Москва, родимая столица...

мурлыкалъ Сережа, опять начиная дремать.

Съ Пречистенскаго бульвара пролетка съ эластическимъ трескомъ резиновыхъ шинъ повернула налѣво и стрѣлой понеслась по Сивцеву Вражку, а затѣмъ кучеръ разомъ осадилъ расходившагося рысака у подъѣзда маленькаго деревяннаго домика съ палисадникомъ и мезаниномъ. Такіе дома встрѣчаются только по московскимъ окраинамъ, да кое-гдѣ въ глухихъ улочкахъ пречистенской части.

— Готово! — крикнулъ Сережа, выскакивая изъ экипажа.

На звонокъ подъѣздъ отворила низенькая сѣденькая старушка въ очкахъ. Въ лѣвой рукѣ у нея болтался мѣшокъ съ какимъ-то безконечнымъ вязаньемъ, какъ умѣютъ вязать только милыя московскія старушки.

— Какъ ты рано вернулся, Вася,—проговорила она, глядя на сына съ затаенной тревогой.

Увидѣвъ медленно входившаго Сережу, старушка сразу успокоилась: она поняла, почему Вася вернулся раньше назначеннаго срока. Когда Сережа входилъ въ этотъ маленькій подъѣздъ, онъ казался еще больше, чѣмъ на улицѣ.

— Мамаша, bonjour...—хрипло здоровался Сережа, напрасно стараясь поймать худенькую руку старушки.

— Какая я тебѣ мамаша, безстыдникъ?—ворчала старушка, пристально разсматривая припухшее лицо названнаго сына. — Ну-ка, повернись къ свѣту... вотъ такъ... Ахъ, Сережа, Сережа! Гдѣ это ты пропадалъ?

— Мама, хорошенько проберите его, — говорилъ Василій Тимоѣевичъ, быстро проходя въ маленькую темную переднюю.

— Больше не буду, Марѳа Семеновна...—какъ-то подѣтски увѣрялъ Сережа, нагибаясь въ дверяхъ передней. — Честное слово!..

— Ахъ, Сережа, Сережа... ахъ, безстыдникъ!...

Въ гостиной гостя ожидало новое испытаніе. Тамъ ходила, заложивъ руки за спину, бѣлокурая женщина лѣтъ тридцати. Простой чернѣйшій костюмъ придавалъ ей видъ монахини, отпущенной въ гости къ роднымъ. Строгое, немного болѣзненное лицо было еще недавно красиво, а теперь подернулось тѣнью преждевременной старости. Увидѣвъ рыжаго гостя, она презрительно подняла плечи и брови, сдѣлала сердитое лицо и съ гордостью вышла въ сосѣднюю комнату и даже захлопнула за собой дверь.

— Что, видѣлъ, какъ отъ тебя княжна убѣждала?—корила старушка своего массивнаго гостя.

— А позвольте спросить, Марѳа Семеновна, что я этой самой княжнѣ сдѣлалъ дурнаго, кромѣ того, что люблю ее? Вотъ и васъ люблю, и всѣхъ вообще...

Въ пріотворенную дверь показалось лицо княжны и послышался ея нервный голосъ:

— А я васъ уже ненавижу, ненавижу, ненавижу... Я съ удовольствіемъ бы уже застрѣлила васъ! Да, взяла бы револьверъ...

— Господа, это, наконецъ, несправедливо!—взмолился Сережа.—Что можетъ подѣлать одинъ скромный мужчина съ двумя разсвирѣпѣвшими женщинами?

Княжна быстро вошла въ гостиную, взяла ненавистнаго человѣка за руку, подвела къ зеркалу и проговорила такимъ тономъ, точно дѣлала увѣщаніе осужденному на казнь:

— Взгляните на себя, Сергѣй Ипполитычъ... Ваше лицо обвиняетъ васъ. Куда вы уже тратите свою молодость, здоровье, умъ?... Несчастный, я даже презирать не могу васъ...

Маленькая женская рука сдѣлала такое движеніе, точно сталкивала Сережу въ бездонную пропасть, а въ голосѣ уже слышались слезы, тѣ искреннія женскія слезы, которыхъ такъ не выносятъ всегда и во всемъ правые мужчины.

— Вы—гадкій, отвратительный, несносный,—повторяла княжна, притопывая ногой, точно кого-то желала раздавить.—Мнѣ, наконецъ, уже стыдно за васъ... да.

Сережа нѣсколько разъ тряхнулъ своей головой, а потомъ быстро опустился на одно колѣно, схватилъ руку княжны и началъ ее цѣловать.

— Милая, святая женщина, клянусь, что это въ послѣдній разъ.

— Я уже не люблю васъ... — съ грустью отвѣтила княжна.

— Что же мнѣ прикажете дѣлать, Варвара Петровна?—взмолился Сережа, поднимаясь.—Повѣситесь?..

Эта сцена была прервана появившимся въ дверяхъ